

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

О.М. Акай*Ростовский государственный**экономический университет;**Донской государственный**технический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

oksanaakay@gmail.com

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ
VS ЭЛИМИНАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЛАКУН¹****[Oksana M. Akay Grammatical deviations vs grammar lacunae elimination]**

Unusual facts in the field of grammatical forms, which are traditionally referred to the so-called “author's” use and even to negatively estimated deviations, can be investigated as eliminated lacunae, which means that the phenomenon is systemic and natural. The grammatical category functions in the text and the discourse not only in the standard paradigmatic boundaries, but also in violation of the latter, which is traditionally referred to as “author's” use or grammatical deviation. In the discourse, the eliminated lacunae (grammatical deviations) perform numerous and diverse semantic and pragmatic functions; therefore, the actual task is to fix the eliminated lacunae at the grammar-graphic level. The lexicography of eliminated (compensated) lacunae is seen as promising, since these units create a flexible adaptive system for reflecting reality.

Key words: lacunae, lacunarity, grammatical lacunae, lacunae elimination, deviate grammatical forms, language unit function, grammar category.

Термин «лакуна» с пометой «филологическое» начал появляться в толковых словарях русского языка только с середины 1980-х гг. XX в., а в терминологические лингвистические словари вошел еще позже. Наиболее востребованными термин и соответствующее ему понятие стали в теории и практике перевода и межкультурной коммуникации. Действительно, при рассмотрении конфронтруемых языков предельно явно обозначилась специфика лакунарных явлений – отсутствие в системе одного языка элемента, который вербализован в другом языке. Лакуна оказалась полезным в практиче-

¹Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-0016

ском отношении конструктом, с помощью которого выявлялась национально-культурная специфика языков. Эта специфика всегда связывалась с лексико-фразеологическим уровнем; на материале единиц этого уровня и решалась проблема смысловой компенсации в переводе. Грамматические явления гораздо реже вовлекались в исследования, посвященные лакунарности. Между тем, грамматика, будучи национальной техникой языка, не менее культурно обусловленное формирование. Именно грамматика представляет собой основное концептуальное содержание языка, его своеобразную обобщенно-формализованную мыслительную схему, свободную от индивидуальных вещественных наслоений [18, с. 98]. Рассмотрим подробнее грамматические девиации – их семантические, прагматические и функциональные параметры – в соотношении с идеей элиминирования грамматических лакун.

Язык как система характеризуется различным функционированием его компонентов. В результате этой неодинаковости образуются своеобразные «пробелы», которые наиболее подвержены любым системным изменениям. Грамматика четко разделяет «чистые» грамматические значения и семантические функции грамматических форм. Грамматические значения, как правило, стабильны и устойчивы, семантические же функции характеризуются подвижностью и изменчивостью. М.И. Эпштейн писал, что любое действие может быть частью процесса общения, имея адресата. Можно не только *говорить* или *писать* кому-то, но и *жить*, *думать*, *ходить*, *болеть*, *грустить*, *тосковать*, *дышать* кому-то, превращая все эти действия в средство коммуникации, способ передать сообщение. Дательный падеж при любом глаголе раскрывает всеобщую *адресность* бытия [19]. Ср. ставшее почти пословицей: *Кто девушку кормит, тот ее и танцует* или широко распространенное: *Родители поступили его в лучший вуз*. В интернете распространена осознанная языковая игра на нормативной модели переходность → возвратность с перестройкой семантики (*прошу не смеять меня, решил вас улыбнуть*).

В «Словаре модных слов» Вл. Новикова есть словарная статья *Улыбнуло* [17]. Характерно, что это не новая единица в полном смысле слова. Еще в 1913 году Е. Замятин писал в повести «На куличках»: *В саду у клумб копался Непротошнов: хоть бы чем-нибудь барыню милую улыбнуть...* В нормативных словарях, естественно, такого глагола нет, хотя он чрезвычайно активизировался в социальных сетях, чаще всего в форме среднего рода и прошед-

шего времени. «*Приятно прочесть в ответ на свой пост короткий комментарий: «Улыбнуло»* [17]. Указанный словарь – место первой лексикографической фиксации этого девятивного образования, которое может быть квалифицировано как элиминация грамматико-словообразовательной лакуны. Характерно, что, по свидетельству Вл. Новикова, это модное наименование, а тому, что слово становится модным, как правило, есть веские причины. Модные слова, по мысли М.А. Кронгауза, всегда отличает «трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны» [12, с. 45]. То обстоятельство, что это не нормативная единица, по сути – грамматическая девиация, обеспечивает длительное ощущение новизны. Модное слово диалектически сочетает в себе черты избранности и массовости (частотности); это слово активно тиражируется, потому что в каком-то отношении актуально и интересно [9]. Поскольку слово стало популярным, модным, можно говорить, что элиминирование соответствующей лакуны приобрело системный характер.

В высшей степени активна сегодня тенденция образования действительных причастий будущего времени (*прочитающий эту книгу поймет многое*):

Вот я – пойдуший и найдуший.

Вот я – дорогу перейдуший... (А. Левин). Цит. по: [16, с. 45].

Характерно, что и это не является новым явлением в языке, ср.: у К. Паустовского *сотни отрывков из книг Грина, взволнующих каждого*; у Ю. Нагибина – *самая главная любовь или истина, сделавшая тебя наконец-то равным себе* – эти примеры в качестве отступлений от нормы приведены в Русской грамматике-80. В официально-деловой переписке нередко встречаются причастия от глаголов совершенного вида на –ший: *Пожелающие приобрести третий выпуск могут выслать деньги по адресу...* Пример из работы [15, с. 132]. Как видим, процесс затрагивает не только тексты художественной литературы, где авторские отступления от канона естественны, но и иные сферы, стили и жанры, из чего следует, что русское причастие активно вовлекается в процесс элиминирования лакун. Это тем более закономерно, что в ряде языков отмечаются причастия будущего времени, выполняющие особые модальные функции – намерения, долженствования [22, с. 399].

Подобного рода девятивные явления не «выпадают» из системы; напротив, они имеют серьезный потенциал рациональной осмысленности, семантической и/или экспрессивно-стилистической нагруженности, а также прагмати-

ческой интерпретируемости, что было бы невозможно без того, чтобы они ощущались единицами (пусть потенциальными) единой системы. Так происходит потому, что у причастий будущего времени этот потенциал достаточно велик: они заполняют определенную лауну в грамматической системе.

Превращения, связанные с грамматическими категориями времени, переходности и др., представляются оправданными и в высшей степени эффективными. В работах, посвященных такого рода приемам, давно утвердилось мнение, что авторов, вовсе не отступающих от нормы, не существует; более того, если бы они существовали, то были бы невероятно скучны. В науку прочно вошло понятие интенциональности грамматических форм [3, 14, 10, 13], которая нередко опирается на девиации. Л.В. Зубова, исследовавшая поэтический язык М. Цветаевой, отметила актуализацию экзистенциального значения связки *будет* в сочетании с формой прошедшего времени присвязочного причастия, перфектного по своему грамматическому значению: *Будет – молчано. Будет – глядено* («Федра»). Формальная ненормативность (девиантность) сочетаний *Будет – молчано, Будет – глядено* определяется тем, что форма страдательного залога причастий образована от непереходных глаголов, по своей семантике не связанных с активностью действия. Интересно, что такого рода сочетания с переходными глаголами соответствуют и узусу, и норме русского языка: *будет сделано*. По этой же модели глаголы типа *молчать, глядеть*, способные в поэтическом тексте вести себя как переходные, приобретают качество переходности. Как пишет Л.В. Зубова, объектом подразумеваемых исходных сочетаний (**молчать что, *глядеть что*) является субстанция абсолюта, где «слово и облик любимого человека приобретают характер вечных и невыразимых сущностей». При этом сама идея пассивности гиперболизируется, становится отражением мощных стихийных сил, которые не зависят от воли конкретного человека. Интересно, что перфектность причастий *молчано* и *глядено* не противоречит форме будущего времени глагола-связки; она отражает реализацию страсти-стихии, которая соотносится с будущим-смертью, с будущим-абсолютом. Фактически временные формы (формы прошедшего и будущего времени), указывающие на смерть, сближаются семантически и передают единое значение – «значение небытия как бытия на уровне абсолюта» [11, с. 226].

Случается даже, что необычное множественное число от имен неконкретной семантики приобретает черты стилеобразующего явления, становится приметой целых эстетических направлений. Известно, что для «витийской» литературы, для классицизма *гром* – это плюралльно-ориентированное существительное (почти *pluralia tantum*), у М. Ломоносова и Г. Державина частотны формы *грома, снега, молнии* [2, с. 8]. В указанной работе приведены многочисленные примеры сложных смысло- и текстообразующих функций «множественного поэтического» у русских акмеистов, которые хотели передать сущность человека через мир окружающих его вещей, а потому использовали каждую возможность представить характеристики этого мира, в том числе и количественные:

Там волны с блесками и всплесками

Непрекращаемого танца... (Н. Гумилев);

...ночью слышу скрипы (А. Ахматова).

Критик А.А. Измайлова так охарактеризовал аналогичную особенность стихов Бальмонта: «Наводнение стихотворной речи искусственно-книжными словами на *ость*, нет сомнения, останется навсегда стилистическим недоразумением, связанным с его именем. Все эти *расцветности, полнозвонности, опрокинутости, небесности, шестикратности, перекрестности, разымчивости, изумрудности, пьяности, звездности, жемчужности, свирельности, несказанности, осиянности, любовности, греховности* – все это бесплодное и никчемное мудрствование книжного человека, глубоко противное устоям и основам русского народного языка... Под досадным на этот раз влиянием Бальмонта и у Брюсова так явились *беломраморности, бескрайности* и – *horribile dictu!* – даже *прекрасности*» (Цит. по: [7, с. 27-28]). Иначе оценивает это явление И. Анненский [1, с. 204]: «...поэт [Бальмонт] вывел из оцепенелости сингулярных форм целый ряд отвлеченных слов – *светы, блески, мраки, сумраки, гулы, дымы, сверканья, хохоты, давки, щекотанья, прижатья, упоенья, рассекновенья, отпаденья, понимания, бездонности, мимолетности, кошмарности, минутности*». Итак, экстралингвистически не оправданные формы множественного числа способны дополнять поэтический текст новыми смыслами, углубляют его эмоциональный фонд, а также может использоваться для грамматической фиксации реальной плюралльности или дистрибутивности.

Функции форм множественного числа отвлеченных имен многообразны и нередко синкретичны (гиперболизация + гетерогенность + плюральность и т.д.):

Again, Chalmers walked back and forth upon his carpet. But he never made a step closer to the table upon which lay the pictures of the woman. Sometimes he tried to come up but stopped. He could see the gray and gold and brown of the colors, but there was a wall about it built by his fears that kept him at distance. He sat down and tried to calm himself (О’Henry “A Madison Square Arabian Night”).

Нестандартные формы множественного числа характерны для художественного текста, однако нередко используются в иных стилях и жанрах.

Более частотно в научном тексте использование неузального множественного числа от имен неконкретной семантики для выражения идеи гетерогенности, видовых различий:

*Каждый тип главных языковых единиц – фразы, предложения и слова – должен быть представлен в разных аспектах, специфических для данного типа, и, соответственно, лингвист должен иметь в своем распоряжении разные **формализмы*** (И. Мельчук «Зависимости-2011: отношение зависимости в языке и лингвистике»).

Важно отметить, что степень приемлемости, узальности таких форм не остается неизменной в диахронии. Хорошо известно, что в XIX в. совершенно обычными были формы множественного числа от абстрактных существительных *борьбы, брани, вины, досады, жары, кручины, непогоды, новизны, погоды, пользы, прогрессы, суровости, смехи, укоризны, фальши* и под. Многочисленные доказательства былой узальности таких форм содержатся, например, в работе Брусенской [4, с. 83-84]. Таким образом, то, что в современном тексте представляется девиацией или компенсацией лакуны, в диахронии было системной нормой.

Можно ли считать наличие в языке внутриязыковых лакун, таких, как незаполненная ячейка будущего времени причастий или множественного числа у имен неконкретной семантики, свидетельством того, что в русском языковом сознании отсутствуют соответствующие понятия? Скорее всего, отсутствие единицы свидетельствует не об отсутствии понятия, а о том, что нет коммуникативной потребности в их реализации. Когда же потребность осознается, появляются соответствующие элиминации прежних лакун. В русской грамматике, считает М.Н. Эпштейн, вообще мало реализован по-

тенциал системности [21], потому элиминированные лакуны имеют большие шансы стать системным явлением. Как речевое образование в фильме Г. Данелия «Осенний марафон» появилось слово *тостуемый* (*тостуемый пьет до дна*). Благодаря тому, что этот фильм разошелся на цитаты (*Хорошо сидим* и проч.), как вполне нормативная осознается и эта девятивная форма – *тостуемый*. Г. Данелия именно так – *Тостуемый пьет до дна* – назвал свою последнюю книгу 2017 года (подзаголовок: маленькие истории, режиссерские байки). Девииации такого типа примечательны тем, что они не только не являются отражением недостаточной языковой компетенции носителей языка и размывания нормы в силу общего упадка речевой культуры и грамотности, но, напротив, свидетельствуют о живых потенциях языка и умении его носителей пользоваться ими. Это «языковые аномалии как точки роста новых явлений» [21]. Системой языка предусмотрены модели элиминации ее лакун, которые, будучи системообразующим фактором, раздвигает границы возможностей самой системы.

Еще Г.О. Винокур писал о так называемых потенциальных словах, которых фактически нет, но которые как бы подсказываются грамматической системой, и как только возникает потребность, эти слова легко образуются по продуктивным моделям [8, с. 15]. Всегда могут быть образованы и правильно поняты женские корреляты от антропонимов или фаунонимов мужского рода, ибо такие слова, созданные по известному образцу, живут как бы «под спудом». И при необходимости они актуализируются, причем нередко для передачи прагматических оценок используются не стандартные варианты феминизмов. Так, в дневниках актера О. Борисова используется форма *доктрина*, а не более стандартные *докторица* или *докторша*:

Приходила молодой врач, у нее были поразительные синие глаза. <...> «А куда вы торопитесь, Олег Иванович? – ответила «доктрина» ... <...> «Вы, наверно, не читали гоголевского «Владимира третьей степени», - спросил я у «доктрины» <...>. «Доктрина» из вежливости посмеялась вместе со мной... (О. Борисов «Абсолютный ноль. Дневники и интервью»).

На базе категории рода осуществляется так называемая обратная деривация: от слов, у которых в лексическом значении корня есть сема женского пола, образуются (путем усечения показателя женского рода) образования с нулевым окончанием: *усатый нянь*(у В. Маяковского, затем название к/ф

«Усатый нянь» и т.п.), *нимф* (три *нимфа* у И.Ильфа и Е. Петрова в «12 стульях»), *усатый мам*, *добрый фей* и *Золушок* (образы команды КВН Днепропетровска). Заметим, что последнее слово стало широко употребительным в значении ‘бедный мужчина, встретивший «принцессу» и повторивший судьбу сказочной Золушки’ и вполне внятным без контекста (как и более раннее образование *нянь*). Как видим, категория рода, будучи классификационной, может, однако, быть представлена на оси комбинаторики. Это достаточно показательный пример элиминации грамматической лакуны с помощью окказиональной деривации, пример «лингвовитализма» – расширение жизненного пространства языка, умножение его «мыслимостей» и «говоримостей» [21].

Итак, можно утверждать, что многочисленные «пустоты», запрограммированные системой, есть не что иное, как лакуны, которые могут быть элиминированы (компенсированы) единицами, образованными преимущественно в пределах известных словообразовательных типов. Появление и укрепление в языке таких новообразований подтверждает их латентное существование в языке. А если так, одна из актуальных задач состоит в исчислении и лексикографической фиксации таких единиц. Основоположник учения о лакунах в отечественной науке Ю.С. Сорокин писал о неизбежности появления «лакунографических грамматик», чьими облигаторными единицами станут как раз элиминированные, компенсируемые лакуны [20]. Естественно, что грамматикографии лакун должны предшествовать серьезные теоретические разработки в этой сфере. До сих пор работы в области лакунологии посвящены преимущественно формальной стороне лакунарности, тогда как сущность и границы этого явления обсуждаются неизмеримо реже. Г.В. Быкова, разработавшая синонимико-антонимический метод выявления лакун, полагает перспективным лексикографическое фиксирование самих лакун (пустот, семем без лексем) [5, 6]. На наш взгляд, еще более перспективно лексикографирование элиминированных (компенсированных) лакун, поскольку именно эти единицы создают гибкую адаптивную систему отражения действительности.

Грамматическая норма множественна по своей природе, поскольку отражает диахронию, а значит – делает реальностью сосуществование традиционных и новых форм. Поэтому грамматическая девиация (в синхронии) может, по сути, отражать утраченную норму предшествующих эпох.

В русском языке, как и в любом развитом национальном языке, заложен потенциал для наиболее полной реализации его системных закономерностей, а также для порождения разного рода нарушений системных языковых норм. Эти нарушения и «неправильности» не ведут, однако, к деструкции системы; они являются, скорее, выражением креативного и адаптивного потенциала языковой системы. Грамматическим описаниям будущего еще предстоит оценить способы компенсации отсутствующих форм, их коммуникативные и прагматические возможности.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Анненский Ин.* Книга отражений. М.: Наука, 1979.
2. *Бондаренко М.Г.* Множественное поэтическое: функциональный и сущностный аспекты (на материале русской поэзии 1-й трети XX века). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1991.
3. *Бондарко А.В.* К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2.
4. *Брусенская Л.А.* Гендер как социокультурный конструкт: условия коммуникации // Философия права. 2010. №6.
5. *Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: БГПУ, 2003.
6. *Быкова Г.В.* Явление лакунарности на уроках русского языка в школе. Учебное пособие. Благовещенск, 2005.
7. *Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981.
8. *Винокур Г.О.* Маяковский – новатор языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
9. *Журавлева Н.Г.* Феномен «модного» слова. Монография. Ростов н/Д.: РГЭУ (РИНХ), 2009.
10. *Зарецкая Н.Н.* Грамматические девиации в прозе А.И. Солженицына: лингвокультурологический анализ. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2001.
11. *Зубова Л. В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Издательство Ленинградского университета. 1989.

12. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008.
13. *Куликова Э.Г.* Культурная парадигма эпохи постмодернити: языковая норма // *Философия права.* 2010. №3.
14. *Курочкина Л.В.* Интенциональные грамматические формы существительных в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д. 1999.
15. *Лыжова Л.К.* О причастиях будущего времени в русском языке // *Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова. Тезисы докладов.* М., 1995.
16. *Николина Н.А.* Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М.: ИТДГК «Гнозис», 2009.
17. *Новиков Вл.* Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2016.
18. *Радбиль Т.Б.* Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // *Международный научный симпозиум «Русская грамматика» Сборник тезисов Международного научного симпозиума (Москва, 13–15 апреля 2016 г.)* М. 2016.
19. *Русская грамматика.* Под. ред. Н.Ю. Шведовой. В 2-х т. М.: Наука, 1980.
20. *Сорокин Ю.А.* Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // *Лакуны в языке и речи: Сб. научн. тр. Благовещенск, 2003.*
21. *Эпштейн М.Н.* От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016
22. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева.* М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998.

R E F E R E N C E S

1. *Annensky In.* The book of reflections. Moscow. Nauka Publishing House, 1979.
2. *Bondarenko M.G.* Plural poetic: functional and essential aspects (on the material of Russian poetry of the XX century beginning). Abstract thesis. Rostov-on-Don, 1991.

3. *Bondarko A.V.* To the problem of intentionality in grammar (on the material of the Russian language) // *Linguistics Issues*. 1994. No 2.
4. *Brusenskaya L.A.* Gender as a sociocultural construct: conditions of communication // *Philosophy of Law*. 2010. No 6.
5. *Bykova G.V.* Lacunarity as a category of lexical systemology. Blagoveshchensk: BSPU, 2003.
6. *Bykova G.V.* The phenomenon of lacunarity in the Russian language lessons at school. Tutorial. Blagoveshchensk, 2005.
7. *Vinogradov V.V.* Problems of Russian stylistics. Moscow. Higher School Publishing House, 1981.
8. *Vinokur G.O.* Mayakovsky is an innovator of the language edited by G.O. Vinokur. Selected works on the Russian language. Moscow. 1959.
9. *Zhuravleva N.G.* The phenomenon of "fashionable" words. Monograph. Rostov-on-Don, 2009.
10. *Zaretskaya N.N.* Grammatical deviations in the prose of A.I. Solzhenitsyn: linguistic culturological analysis. Thesis. Rostov-on-Don, 2001.
11. *Zubova L.V.* Marina Tsvetaeva's Poetry: Linguistic Aspect. Leningrad, Leningrad State University Publishing House, 1989.
12. *Krongauz M.A.* The Russian language on the verge of a nervous breakdown. Moscow. Languages of Slavic cultures, 2008.
13. *Kulikova E.G.* The cultural paradigm of the postmodernity era: the language norm // *Philosophy of Law*. 2010. No 3.
14. *Kurochkina L.V.* Intentional grammatical forms of nouns in modern Russian. Thesis. Rostov-on-Don. 1999.
15. *Lyzhova L.K.* On the participle of future tense in the Russian language // International anniversary session dedicated to the 100th anniversary of the birth of Acad. V.V. Vinogradov. Articles collection. Moscow, 1995.
16. *Nikolina N.A.* Active processes in the language of modern Russian fiction. Moscow, Gnosis Publishing House, 2009.
17. *Novikov V.I.* Dictionary of buzz words. The language picture of modernity. Moscow. Dictionaries of the XXI century, 2016.

18. *Radbil T.B.* National specifics of the Russian grammar: cognitive and linguistic and cultural aspects. International Scientific Symposium "Russian Grammar" Collection of Abstracts from the International Scientific Symposium (Moscow, April 13–15, 2016) Moscow, 2016.
19. Russian grammar. Edited by N.Y. Shvedova. 2 vol. Moscow. Nauka Publishing House, 1980.
20. *Sorokin Yu.A.* Lacunae: another view of consideration. Lacunae in language and speech: Scientific works collection. Blagoveshchensk, 2003.
21. *Epstein M.N.* From knowledge to creativity. How humanities can change the world. Moscow-St.Petersburg. The Center for Humanitarian Initiatives, 2016
22. Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary edited by V.N. Yartseva. Moscow, Nauka Publishing House "Big Russian Encyclopedia", 1998.

22 апреля 2019 г.
